

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

DOI: 10.46725/IW.2021.4.1

A. B. Степанов

ВРЕМЯ СТУДЕНЧЕСТВА КАК ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА РУБЕЖА XIX—XX ВЕКОВ

Введение

Актуальность. На рубеже XIX—XX вв. получение высшего образования становилось в России необходимым этапом в жизни интеллигента, его своеобразной инициацией. «Студенчество — это интеллигенция в стадии ее окончательного формирования перед началом практической деятельности», — подчеркивал в 1911 г. приват-доцент Санкт-Петербургского технологического института М. В. Бернацкий¹. Вступая в ряды студентов, юноша попадал в мир отечественной интеллектуальной элиты, проходил социализацию в полиэтнической и всесословной среде своих коллег, учился преодолевать бытовые трудности и личные проблемы. Изучение воздействия опыта студенчества на формирование личности интеллигента, его жизненных установок и общественной позиции дает исследователям дополнительный

© Степанов А. В., 2021

Аркадий Владимирович Степанов — кандидат исторических наук, доцент, Ивановский государственный университет, pastenovas@mail.ru (Cand. Sc. (History), Associate professor, Ivanovo State University).

¹ К характеристике современного студенчества (по данным переписи 1909—10 г. в С.-Петербургском технологическом институте) / под ред. и с предисл. прив.-доц. М. В. Бернацкого и при участии д-ра Д. П. Никольского. СПб., 1911. С. V.

ключ к пониманию феномена русской интеллигенции Серебряного века.

Постановка вопроса. Цель работы — выявить главные факторы, действие которых испытывал российский студент до и во время своей учебы в высшей школе, и оценить их вклад в формирование личности молодого интеллигента. Исследование не охватывает духовные и военные академии, а также Высшие женские курсы.

Историографический обзор. Проблему связи менталитета русской интеллигенции с опытом учебы в высшей школе одним из первых поставил А. С. Изгоев на страницах сборника «Вехи» (1909)². Его крайне резкие оценки современники восприняли как выражение отчаяния от ряда эксцессов недавно пережитой революции. Скромный итог трудам отечественных интеллигентоведов следующих 70 лет подвела автор и по сей день не уставшая работать В. Р. Лейкина-Свирская: по ее словам, к началу 1980-х гг. «история интеллигенции, разнородного социального слоя в капиталистической России, не получила монографической разработки в советской литературе»³. Однако представленный в цитируемой книге обзор развития русской высшей школы начала XX в. свелся, в основном, к поиску ее недостатков⁴.

Традиции критического подхода к достижениям своих довоенных коллег последовал и А. Е. Иванов, чья монография (1991) завершила советский этап изучения темы. «К февралю 1917 г. российская высшая школа оказалась в состоянии глубочайшего кризиса», — решительно заявил он⁵. Заметим, что в новейшей работе (2010) А. Е. Иванов рисует «мир российского студенчества» куда более позитивно⁶. Впрочем, влияние опыта студенческой жизни на формирование

² Изгоев А. С. Об интеллигентной молодежи // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 185—212.

³ Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М., 1981. С. 3.

⁴ Там же. С. 5—34.

⁵ Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991. С. 353.

⁶ Иванов А. Е. Мир российского студенчества: конец XIX — начало XX века. М., 2010.

интеллигента А. Е. Иванов ограничивает в основном получением профессионального образования. Книга А. И. Авруса (2001)⁷, несмотря на многообещающее название, носит, по сути, характер добротного популярного очерка — ее ограниченный объем и широта хронологических рамок иного не позволяют.

Между тем, по свидетельству Е. А. Ростовцева (2009), «история российской высшей школы начала XX века в последнее время входит в число наиболее востребованных тем в научной литературе. Ее изучение помогает понять условия формирования интеллектуальной элиты страны накануне одного из самых грандиозных переломов в ее истории»⁸.

Методология и методы исследования. Исследование ведется традиционным для исторической науки методом неполной индукции — путем целевого выявления релевантных эмпирических фактов, структурирования их множества и построения на их основе объяснительных гипотез⁹. Мы стремились придерживаться принципов академической объективности и комплексного подхода к изучаемым процессам. Концептуально наше исследование строится на представлении о способности высшей школы формировать личность и взгляды ее питомцев самой своей атмосферой, всей суммой действующих факторов академической жизни¹⁰.

Источниковой базой работы служат, прежде всего, воспоминания россиян, учившихся в вузах Петербурга и Москвы в 1880—1910-е гг. Написанные и опубликованные почти исключительно в эмиграции, эти «я-документы» свободны от идеологической предвзятости советского времени. Наряду

⁷ Аврус А. И. История российских университетов: Очерки. М., 2001.

⁸ Ростовцев Е. А. Университет столичного города (1905—1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М., 2009. С. 205.

⁹ Теория и методология исторической науки. М., 2014. С. 127—128, 348—349; Lorenz C. History: Theories and Methods // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. 2nd ed. Oxford, 2015. Vol. 11. P. 132—133.

¹⁰ Bignold W. Newman and the Student: From formation to transformation // E-journal of the British Education Studies Association. 2012. Vol. 4. P. 20—33. URL: <https://educationstudies.org.uk/?p=572> (дата обращения: 15.02.2021).

с мемуарными источниками, привлекались материалы студенческих опросов, проведенных в 1900-е гг. на достаточно высоком для своего времени научном уровне, а также сообщения столичной и провинциальной прессы России 1905—1910 гг.

Основная часть

Вступление в студенчество

Поступлению русского юноши в вуз предшествовала учеба в средней школе, где действовали стеснительные для взрослеющего подростка запреты и ограничения. Так, для контроля «за поведением учеников внутри и особенно вне учебного заведения» в штат казенных гимназий включалась должность надзирателя¹¹. Тем более разительным для молодого человека оказывался контраст с порядками, которые он встречал в высшей школе.

А. Н. Наумов (1868—1950), учившийся в Московском университете в 1880-е гг., вспоминал: «Бросается в глаза огромная разница в условиях учения в гимназиях и затем университетского. Строгость, требовательность и бдительный надзор, которые мы испытывали в средней школе, с переходом в университет как бы обрывались. Молодые люди фактически освобождались от какой-либо опеки и предоставлялись сами себе»¹². Наумову почти дословно вторил другой московский универсант Н. И. Астров (1868—1934): «Тут — полная свобода, сознание всей полноты всех прав и... и, кажется, никаких обязанностей? И это после гимназии, где не было никаких прав и одни только обязанности!»¹³ Сравнивая свою былую радость от окончания гимназии с тем, что он испытал после выпуска из университета, В. Ф. Романов (1874—1929) замечал: «Студенческая жизнь была так свободна, столь мало стеснена какими-либо формальностями, присущими гимназиям, что радоваться окончанию этой жизни было, очевидно, нечего»¹⁴.

¹¹ Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. [СПб.], [1901]. С. 20.

¹² Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868—1917. Кн. 1. Нью-Йорк, 1954. С. 90.

¹³ Астров Н. И. Воспоминания. Т. 1. Париж, 1941. С. 195.

¹⁴ Романов В. Ф. Старорежимный чиновник. Из личных воспоминаний от школы до эмиграции, 1874—1920 гг. СПб., 2012. С. 66.

Д. А. Засосов (1894—1977) поступил в Петербургский университет уже в начале 1910-х гг., но и он впоследствии недоумевал: «В гимназии была строгая дисциплина, а здесь — никакой. Никто за порядком не наблюдал, никто ничего не требовал. Было непонятно: почему тому же человеку, который только что был должен следовать строгой школьной дисциплине, теперь, названному студентом, сразу предоставлена такая свобода»¹⁵.

Можно предположить, что превращение вчерашнего школьника в студента оказывало на юношу стойкий «эмансипирующий» эффект. Оставшаяся за плечами гимназия могла теперь казаться миниатюрной моделью нынешней русской жизни, «стесненной чиновничим произволом», а вновь обретенная академическая вольность — тем идеалом человеческой свободы, к которому вся страна должна прийти в скором будущем. «Как почти вся интеллигенция начала века, мы ощущали русскую историю “профетически”, как грядущую революцию», — признался философ Ф. А. Степун¹⁶.

Показательны воспоминания В. А. Оболенского, который учился в Петербургском университете не в самое либеральное время (1887—1891 гг.): «Окончание гимназии и поступление в университет ощущались мною как внутренний революционный переворот с внезапным переходом от неполноправного состояния к свободной жизни. Ни до поступления в университет, ни после я не переживал столь глубокого психологического переворота»¹⁷.

Между тем, обрести статус студента было не столь уж легко. Прежде всего, юноше предстоял выбор учебного заведения. Эту задачу затрудняло, среди прочего, то обстоятельство, что даже в 1900-е гг. родители большинства абитуриентов сами не имели высшего образования. Например, по данным опроса 2150 московских университетников (1904 г.), лишь 26 % их отцов и 5,6 % матерей в молодости окончили университет, институт

¹⁵ Засосов Д. А., Пызин В. И. Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX—XX веков. М., 2003. С. 221.

¹⁶ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. Т. 1. Нью-Йорк, 1956. С. 80.

¹⁷ Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 67.

или высшие женские курсы, тогда как ограничились «домашним образованием» или не получили никакого, соответственно, 20 % и 43 % родителей¹⁸. Поэтому дать грамотный совет своим сыновьям их близкие могли далеко не всегда. В ходе того же анкетирования в Московском университете на вопрос о том, влияла ли семья на выбор факультета, почти 84 % респондентов ответили отрицательно¹⁹.

Иные интеллигентные родители старались не навязывать своим детям будущую профессию. Результатом столь либерального подхода могли стать мучительные метания юноши. Сын медика Н. Астров вспоминал, как тяжело искал стезю его младший брат Александр: сначала пошел в Горный институт в Петербурге, но, проучившись год, перевелся на медицинский факультет Московского университета. Однако и там Александру не понравилось; в итоге он окончил Высшее Техническое училище и впоследствии сделал там блестящую научную карьеру²⁰.

Сам Николай Астров в 1888 г. поступил на юридический факультет Московского университета. Вспоминая те годы, он признавал: «Сравнительно небольшое число студентов шло на этот факультет по призванию, по ясно выраженному желанию изучать право. Факультет выбирался многими как самый легкий, как дающий общее образование». Интересно и другое наблюдение Н. Астрова: большинство его однокурсников выбрало факультет «путем отрицания: филология надоела в гимназии, математику не люблю, естественных наук не знаю. Остается юридический факультет. Поступлю на него, а там видно будет»²¹.

Сын провинциального помещика С. П. Тимошенко, приехав в 1896 г. в столицу, подал прошения в два разных института: Инженеров путей сообщения и Гражданских инженеров. «Особенно интересовался первым, но решил, что, если на экзамене провалюсь, то буду архитектором, это тоже казалось интересным», — вспоминал он²². Другой юный провинциал — сын

¹⁸ Членов М. А. Половая перепись московского студенчества и ее общественное значение. М., 1909. С. 29.

¹⁹ Там же. С. 35.

²⁰ Астров Н. И. Указ. соч. С. 188—190.

²¹ Там же. С. 191.

²² Тимошенко С. П. Воспоминания. Париж, 1963. С. 34.

муромского коммерсанта В. К. Зворыкин — в 1906 г. поступал в Технологический институт, но, пока ждал зачисления, чуть было не стал студентом физико-математического факультета Петербургского университета²³.

Заметим, что среди называемых мемуаристами резонов выбора вуза («оказалось интересным», «нравится», «там легко учиться» «куда же еще идти, кроме...») не встречаются мотивы корысти или желания юноши сделать успешную карьеру. Лишь Н. Астров в конце списка возможных причин выбора юридического факультета называет «хороший заработок “дядюшки-адвоката”»²⁴. По данным опроса, проведенного в 1909 г. среди студентов столичного Технологического института, поступили в него «по призванию» 50 % респондентов, «по призванию и материальным соображениям» — 18 %, исключительно «по материальным соображениям» — 9 %. При этом еще 20 % студентов признались, что выбрали этот институт случайно²⁵.

Иных молодых людей приводила в благоговейный трепет уже сама обстановка университета. Н. П. Анциферов вспоминал, как 18-ти лет от роду впервые посетил Петербургский университет: «Я рвался к новой жизни. И вратами в эту жизнь был университет. С каким трепетом я, недоучившийся гимназист, вступал в его стены! Я стоял на перемене в коридоре и искал глазами профессоров, медленно покидавших аудитории. Ведь это шествие богов в Валгалле!»²⁶ Столь же возвышенные чувства вызывал университет у В. Ф. Романова: «В университет я, как и все мало-мальски вдумчивые юноши с гимназической скамьи, поступал с известной долей благоговения и надежды, что там нам откроется ряд истин. Романтическое воспитание окрашивало предстоящие занятия в университете в романтические краски»²⁷.

²³ Iconoscope. An autobiography of Vladimir Zworykin. Princeton, 1971. P. 19. URL: <http://www.davidsarnoff.org/vkz-chapter02.html> (дата обращения: 15.02.2021).

²⁴ Астров Н. И. Указ. соч. С. 191.

²⁵ К характеристике современного студенчества... С. 30.

²⁶ Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992. С. 130.

²⁷ Романов В. Ф. Указ. соч. С. 49.

К сожалению, и подобные идеализированные представления о вузе как «храме науки»²⁸, и необдуманный выбор учебного заведения могли в будущем обернуться неудовлетворенностью своей профессией и, шире говоря, всей жизнью, чем нередко страдали русские интеллигенты. Видимо, о таких образованных неудачниках писал в 1903 г. осведомленный публицист, скрывшийся за псевдонимом П. Иванов: «Уставший, плохо работающий, скучающий — таков универсант, подвизающийся на территории России. Иногда хорошие порывы, но неумение добиваться желаемого, мало настойчивости и вечная рефлексия — вот характерные черты интеллигентов»²⁹.

Следует учесть, что стать студентом в ряде случаев было не так-то просто. Во многих институтах перед зачислением абитуриентов возникал конкурс, подчас весьма высокий. Так, В. Зворыкин утверждал, что в 1906 г. на одно место в Технологическом институте претендовали десять человек³⁰. Десятью годами ранее выпускник реального училища С. Тимошенко, поступая в Институт инженеров путей сообщения (ИИПС), должен был сдать по пять письменных и устных экзаменов, а также «исполнить рисунок и показать знание немецкого языка»³¹. В один год с Тимошенко на 150 студенческих вакансий в ИИПС подали заявления 700 абитуриентов³².

Составитель «Справочника по высшему образованию» (1911) киевский инженер Д. Марголин обещал, что на вступительных экзаменах в институтах «никакого “сбивания”, никаких фокусных вопросов, о которых ходят в обществе слухи, не практикуется»³³. Однако нервозная обстановка конкурса, экзаматоры с высокими учеными степенями, незнакомые залы, где

²⁸ Анциферов Н. П. Указ. соч. С. 155; Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий: Воспоминания, 1881—1914. М., 2016. С. 21.

²⁹ Иванов П. Студенты в Москве: Быт. Нравы. Типы: Очерки. 2-е изд. М., 1903. С. 285.

³⁰ Iconoscope. Р. 19.

³¹ Тимошенко С. П. Указ. соч. С. 34.

³² Там же. С. 37.

³³ Справочник по высшему образованию: Руководство для поступающих во все высшие учебные заведения России / сост. Д. Марголин, 2-е изд. Киев, 1911. С. 363.

шли испытания, — все это оказывалось суровым стресс-тестом для юноши. Тем более весомым становилось в случае успеха его первое во взрослой жизни самостоятельное достижение. С другой стороны, убеждаясь, что, в отличие от иных гимназий, экзамены в вузе — это честная игра, молодой человек укреплялся в вере в справедливость, которая отличала нашу интеллигенцию.

Поступление в университет или институт зачастую требовало переезда в один из первых отечественных мегаполисов: Петербург, Москву, Одессу, Киев. Русский студент Серебряного века почти всегда оказывался «проповинциалом в столице». Например, опрос московских университариев в 1904 г. показал, что почти каждый пятый из более чем 2 тыс. респондентов родился в деревне, примерно столько же — в небольших городках, а еще 40 % происходили из городов среднего размера³⁴.

На такой поворот в судьбе будущего интеллигента следует обратить особое внимание. Дело в том, что разница в образе жизни между уездными и даже губернскими городами, с одной стороны, и ведущими центрами высшего образования, с другой, была не количественной, а качественной: это были два разных мира. С. Тимошенко, на своем веку побывавший, среди прочего, во многих мегаполисах США, даже в старости помнил впервые увиденный им Петербург: «Все было ново для меня. Улицы с торцовой мостовой, большие окна магазинов, огромные здания, каких никогда раньше не видал. После маленького Ромна все было таким интересным»³⁵. Киевлянину В. Романову в смысле первого знакомства с Петербургом особенно повезло: он приехал в столицу 30 августа 1894 г., когда та была празднично иллюминирована по случаю тезоименитства императора Александра III: «Нарядным праздничным видом табельного дня город произвел на меня громадное впечатление; с первого же дня я полюбил его»³⁶.

Москва производила на уроженца отечественной глубинки не менее сильное впечатление. А. Кизеветтер помнил его и спустя почти полстолетия: «Мне показалось, что я попал в какое-то вавилонское столпотворение. Все дурманило меня,

³⁴ Членов М. А. Указ. соч. С. 33.

³⁵ Тимошенко С. П. Указ. соч. С. 36.

³⁶ Романов В. Ф. Указ. соч. С. 52.

привыкшего к сонной тишине провинциального медвежьего угла. Сердце билось радостно. Какой-то новый, неведомый мир, полный движения и красок, готов был раскрыться перед моими взорами. Было такое чувство, словно я из тихого затончика выбежал на легком членке в необозримое море, было предчувствие, что это море сулит мне и радости, и бури»³⁷. «Многошумная и многокрасочная Москва», даже сохранившая в 1880-е гг. немало черт «большой деревни», зачаровала вчерашнего жителя Оренбурга «сразу и на всю жизнь».

Можно предполагать, что, становясь студентом, русский провинциал рубежа XIX—XX вв., не покидая своего реального времени, словно бы перемещался из полудеревенского настоящего глубинной России в ее урбанистическое будущее. Не отсюда ли проистекала вера в общественный прогресс (Д. Шалин, 2012)³⁸, которой отличалась отечественная интеллигенция?

Большой город — большие искушения. А. И. Фенин признавался: «Начальные годы студенчества были принесены в жертву полученной самостоятельности. Вылетев в 18 лет из родного гнезда в заманчивую, полную соблазнов сутолоку Петербурга, многие из нас проводили время в праздном шатании, часто в трактирах, и, что греха таить, за водочкой»³⁹. Эти слова почти дословно повторял Н. Астров: «Для многих (студентов. — A. C.) первый год пропал целиком. Особенно трудно давалось это испытание на свободный труд для приехавших из провинции. Перед ними Москва широко раскрывала все свои соблазны»⁴⁰. Поступивший в 1887 г. в Московский университет из «сонного города» Симбирска А. Наумов свидетельствовал: «В бытность мою на первом курсе мы, молодежь, почувствовавшая себя вольными студентами, изо дня в день втягивались в водоворот праздной, легкомысленной уличной жизни большого города со всеми его соблазнами»⁴¹.

³⁷ Кизеветтер А. А. Указ. соч. С. 3, 4.

³⁸ Shalin D. N. Intellectual Culture: The End of Russian Intelligentsia. Las Vegas, 2012. Р. 4. URL: https://digitalscholarship.unlv.edu/russian_culture/6 (дата обращения: 15.02.2021).

³⁹ Фенин А. И. Воспоминания инженера: К истории общественного и хозяйственного развития России (1883—1906 гг.). Прага, 1938. С. 16.

⁴⁰ Астров Н. И. Указ. соч. С. 195.

⁴¹ Наумов А. Н. Указ. соч. С. 97.

Выстоять, находясь вдали от семьи, перед искушениями мегаполиса и успешно пройти курс наук — вот важная часть процесса становления русского интеллигента. В полной мере это мало кому удавалось. По данным студенческих опросов 1900-х гг., примерно две трети респондентов хотя бы временами употребляли спиртные напитки (в Томском и Юрьевском университетах — свыше 70 %), а около половины, не исключая медиков, курили⁴².

Воспитание обучением

В отличие от средней школы, дореволюционные российские вузы не ставили себе задачу *воспитывать* своих питомцев, т. е. формировать их личность, характер, жизненные установки: студенты считались взрослыми, уже сложившимися людьми. Целью трудов преподавателей высшей школы было только *обучение* молодежи, т. е. передача профессиональных знаний, умений и навыков. Однако сам процесс обучения тоже был способен воспитывать юношей, вырабатывать у них человеческие качества, которые устойчиво сохранялись в дальнейшей, «послестуденческой» жизни.

Студенты Серебряного века сохранили память о многих своих наставниках. В этих мемуарах редко встречаются жалобы на некомпетентность преподавателей, которую бы замечала их аудитория. Бывшие студенты сетовали, главным образом, на сухость изложения материала, на отсутствие в лекциях «тайинственного огня творческого подъема изложения, могущего зажечь аудиторию»⁴³. (Заметим в скобках, что подобное требование представляется нам все же несколько завышенным).

Общее впечатление студентов от лекций преподавателей чаще было положительным. Например, В. Романов вспоминал, что после лекции киевского правоведа Н. К. Ренненкампфа слушатели провожали его овацией. Устав университета это запрещал, но «удержаться от аплодисментов не было возможности, с такой талантливостью, так захватывающе ярко, ясно и образно преподносил профессор различные теории права

⁴² К характеристике современного студенчества... С. 81, 83.

⁴³ Фенин А. И. Указ. соч. С. 32.

и государственно-общественного строя». Лекции Ренненкампа были сильны не только эмоциональным зарядом: на них студенты «впервые приучились мыслить и работать положительными научными методами»⁴⁴.

Не склонный идеализировать своих учителей, питомец «Горного гнезда» А. Фенин с теплотой отзыается о профессоре механики И. А. Тиме, «неизменно внимательном и доброжелательном к нам, точном и понятном в своей науке. К нему мы относились доверчиво, его предмет старались учить и знать». Рассказывая о другом профессоре — геологе И. В. Мушкетове — Фенин признается, что надолго сохранил «почти влюбленную память» к нему и его предмету⁴⁵.

Восторженные воспоминания о курсе лекций В. О. Ключевского в Московском университете оставил А. Кизеветтер: «Этот курс неотразимо пленял необыкновенным сочетанием силы научной мысли с художественной изобразительностью изложения и с артистическим искусством произнесения»⁴⁶.

В последней четверти XIX в. в программу высшей школы стали вводиться практические занятия. Подчас они оказывались более полезными для студентов, чем теоретические лекции. Например, В. Романов высоко ценил семинары приват-доцента Тимофеева, на которых студенты разыгрывали в лицах реальные судебные дела: «Такие занятия приучают студентов говорить публично и владеть собою при возражениях. За время пребывания в Университете многие, живя скромной замкнутой жизнью и не бывая в обществе, совершенно отвыкают говорить, так как им не приходится отвечать уроков, как в гимназии; на экзаменах конфузятся, теряются. Между тем, для юриста умение говорить — обязательное условие его профессии»⁴⁷. По свидетельству А. Наумова, к подобному приему в 1880-е гг. прибегал на семинарах и приват-доцент Московского университета Викторский⁴⁸. Н. Астрова увлекали занятия профессора И. И. Янжула:

⁴⁴ Романов В. Ф. Указ. соч. С. 50—51.

⁴⁵ Фенин А. И. Указ. соч. С. 31.

⁴⁶ Кизеветтер А. А. Указ. соч. С. 41.

⁴⁷ Романов В. Ф. Указ. соч. С. 58—59.

⁴⁸ Наумов А. Н. Указ. соч. С. 87.

«Его семинары проходили очень оживленно. Он, несомненно, будил мысль. Может быть, более, чем другие профессора, он вызывал инициативу и побуждал к действию»⁴⁹.

Сильное воспитательное действие на студентов оказывало их участие в работе научных кружков и обществ, действовавших в некоторых вузах. А. Кизеветтеру запомнились заседания Юридического общества Московского университета. Одно лишь наблюдение за тем, как корректно руководил ими председатель общества профессор С. А. Муромцев, «раскрыло мне многое в понимании существа общественной работы. <...> Возвращаясь домой с этого заседания, я как-то сразу почувствовал, что во мне прибавилось общественной зрелости», — вспоминал Кизеветтер⁵⁰.

Студенты технических вузов во время летних каникул проходили учебную практику, которая знакомила их с жизнью за пределами академического мира. Например, путеец С. Тимошенко летом 1899 г. работал на строительстве Волчанска-Купянской железной дороги. Жил практикант в имении местного помещика, расплачиваясь за стол и кров уроками математики его сыну. «Думаю, нигде, кроме России, нельзя было наблюдать таких контрастов, — вспоминал Тимошенко. — Днем видишь нужду крестьянской жизни, невежество и дикость рабочих на стройке, а вечером в помещичьем доме — последние французские романы из Парижа, Шопен, Бетховен...»⁵¹

В. Зворыкин за время четырех летних каникул прошел практику на железной дороге, сталелитейном заводе, электростанции и в институтской лаборатории. Работа каждый раз не ограничивалась пассивным наблюдением. Так, на железной дороге Зворыкину пришлось потрудиться кочегаром («это была очень скучная, тяжелая и утомительная работа — кидать уголь под котел по восемь и более часов в смену»); затем, сдав ряд зачетов, он стал помощником машиниста и, наконец, машинистом маневрового паровоза⁵².

⁴⁹ Астрон Н. И. Указ. соч. С. 197.

⁵⁰ Кизеветтер А. А. Указ. соч. С. 19.

⁵¹ Тимошенко С. П. Указ. соч. С. 50.

⁵² Iconoscope. Р. 26.

Важно отметить, что в студенческих мемуарах не встречаются описания конфликтов между профессорами или слухи о неблаговидных историях в академическом мире, тем более — примеры морально сомнительных поступков преподавателей. Никто из них в присутствии студентов не ругал коллег или начальство, не делал юношей участниками или, того хуже, — жертвами внутрикорпоративных интриг. Преподаватели вуза могли быть хорошими или посредственными, но слово «взятка» применительно к ним не звучало даже в студенческой курилке. Шпаргалки и прочие школьные уловки остались в гимназическом прошлом; даже те, кто прогуливал лекции, пользуясь академической свободой, ко времени экзаменов старались вызубрить материал хотя бы на «удовлетворительно».

Редчайшими примерами того, как студенты обманывали экзаменаторов, можно назвать случаи, описанные В. Зворыкиным и А. Фениным. На втором курсе Зворыкин узнал, что богатые студенты-технологи покупают у смотрителя институтского архива чертежи заченных проектов прошлых лет и заказывают с них копии. Зворыкин (по его словам) вынес вопрос об этом на студенческую сходку; прослышиав о ней, администрация института закрыла доступ в архив и уволила смотрителя. Показательно, что, хотя среди однокашников Зворыкина его поступок вызвал немало споров, доходивших до потасовок, «большинство студентов согласилось, что это было правильным шагом и бесчестная практика с чертежами должна быть прекращена»⁵³.

«Чертежная» история А. Фенина скорее комична, чем патосна. Его сокурсник попросил своего брата-инженера «расчертить и вычертить за него проект к выпускному экзамену». Получив от брата рулон ватмана, парень «по небрежности и лени» даже не развернул его и поспешно сдал профессору И. А. Тиме. Злосчастный лентяй «чуть не упал в обморок, когда на экзамене увидел чертеж, сделанный только в карандаше, с надписью брата: “Надоело! Черт с тобой, обводи тушью сам” и приписку красными чернилами бисерным почерком Тиме: “К кому, собственно, это относится?”»⁵⁴

⁵³ Iconoscope. Р. 22—23.

⁵⁴ Фенин А. И. Указ. соч. С. 31.

Испытание бытом

Жизнь иногороднего студента в мегаполисах Российской империи была, как правило, нелегка. Ее качество зависело, прежде всего, от тех средств, которыми юноша располагал. Д. Марголин утверждал, что минимально достаточный бюджет студента составлял 25 руб. в месяц: «На эти деньги можно пропаществовать сносно, не отказывая себе в самом необходимом, но не позволяя, конечно, ничего лишнего. В сумму 25 рублей входят плата за комнату, освещение, обед, чай, сахар, булка, бания, мойка белья, трамвай, но не входят расходы чрезвычайные, например обувь, платье, книги, принадлежности черчения»⁵⁵. Мемуарист 1970-х годов (и петербургский универсант 1910-х) подтверждает правоту киевского инженера⁵⁶. Те же 25 руб. в месяц, по свидетельству В. Ф. Ходасевича, в 1900-е гг. получал из дома его знакомый — «бедный студент» Московского университета, сын рыбинского купца⁵⁷.

С этой цифрой согласен и публицист П. Иванов: в 1903 г. 25 руб. в месяц было суммой, которую получало от родителей большинство живших в Москве иногородних студентов; такую же обычно была стипендия от земств. Главные статьи расходов, по Иванову, таковы: 11 руб. за комнату («довольно скверную, где можно спать и изредка заниматься, если позволят соседи и холод — эти два неизменных спутника студенческих квартир») и 7,5 руб. за «полусытные и нездоровые обеды в кухмистерских»⁵⁸. Общий итог рассуждений П. Иванова безрадостен: «Прислуге богатых или даже средних москвичей живется гораздо лучше, чем бедным или средним студентам»⁵⁹.

Петербург 1910-х гг. дорожеизной не уступал Москве: «Полный пансион вместе с комнатой дешевле 20 рублей было не найти»⁶⁰, — вспоминал Д. А. Засосов. В 1909 г. питерский

⁵⁵ Справочник по высшему образованию. С. 491.

⁵⁶ Засосов Д. А., Пызин В. И. Указ. соч. С. 224.

⁵⁷ Ходасевич В. Ф. Некрополь: Воспоминания. Париж, 1976. С. 100—101.

⁵⁸ Иванов П. Указ. соч. С. 3—5.

⁵⁹ Там же. С. 7.

⁶⁰ Засосов Д. А., Пызин В. И. Указ. соч. С. 226.

технолог с горьким юмором так описал в анкете снимаемую им комнату: «У хозяев (квартиры. — A. C.) двое детей и много тараканов»⁶¹. Неудивительно, что, подводя итог этой анкете, М. Бернацкий сетовал: «И теперь, с не меньшим, если не с большим правом, допустимо трактование понятий “студент” и “бедняк” как синонимических»⁶².

Бедным студентам помогали благотворительные организации, но их ресурсы были невелики, а пособия выдавались с условием возврата. В начале 1910 г., обозревая положение дел в одном таком московском обществе, получившем 400 прошений о помощи, газета «Русское слово» тревожилась: «При наличных средствах Общества могут быть удовлетворены только “крайне нуждающиеся”»⁶³. Аналогичная картина наблюдалась тогда и в Казани. Анонсируя благотворительный вечер в пользу недостаточных студентов местного ветеринарного института, городская газета указывала, что мероприятие вызвано необходимостью «поддержать их существование, ибо касса общественности пуста. Нужда заставляет многих из них не только обходиться обедом через день, но подчас быть и вовсе без обеда»⁶⁴.

Такова была изнанка относительной дешевизны высшего образования в России, по крайней мере — в государственных вузах. За год учебы в университетах Москвы, Петербурга или Киева со студента причиталось 50 руб. (как за год занятий в казенной гимназии); столько же стоил учебный год в Электротехническом и Технологическом институтах столицы. Институт гражданских инженеров взимал за год 75 руб.⁶⁵ Плата вносилась по семестрам; часть обучающихся — пусть и незначительная — от нее освобождалась⁶⁶. Универсанты могли обратиться за стипендией Министерства народного просвещения, но за каждый год ее получения дипломированному специалисту предстояло

⁶¹ К характеристике современного студенчества... С. 54.

⁶² Там же. С. VIII.

⁶³ Русское слово. 1910. 6 февр.

⁶⁴ Камско-Волжская речь. 1910. 17 февр.

⁶⁵ Справочник по высшему образованию. С. 37, 39, 44, 158, 161.

⁶⁶ Новейший путеводитель по С.-Петербургу. СПб., 1911. С. 167,

отработать полтора года «по назначению правительства»⁶⁷. Все это неизбежно привлекало в высшую школу юношей из весьма небогатых семей. Так, при опросе студентов Московского университета в 1904 г. две трети респондентов определили свою материальную обеспеченность как «среднюю», а еще 20 % назвали себя необеспеченными⁶⁸.

Разумеется, не только образовательные, но и житейские «траектории» студентов могли быть весьма различны. И в 1880-е гг., и позднее, в университетах встречались студенты-«академисты» — отпрыски состоятельных родителей (как правило — чиновных). Они носили форменные сюртуки индивидуального пошива на белой подкладке и полагавшиеся к ним «длинные шпаги золингеновского клинка», а в холодную пору — «николаевские шинели с мягким бобровым воротником»⁶⁹. После событий 1905—1907 гг. академисты-«белоподкладочники» стали даже более заметными, чем прежде; подчас они смыкались с политическими партиями правонационалистического толка⁷⁰. Встречая в аудиториях таких однокурсников, иные «становящиеся интеллигенты» получали еще один аргумент в пользу неустаревающих мечтаний о социальной справедливости и в то же время невольно усваивали урок терпимости к чужим и чуждым политическим взглядам.

Бедным студентам приходилось на личном опыте постигать науку борьбы за существование, избавляясь от прежних барских привычек, «становиться на ноги» еще в стенах *alma mater*. Каков был, например, хлеб репетитора, живущего в доме родителей своего ученика, описал П. Н. Милюков: его поселили в проходной комнате, прислуга ему «тыкала», а хозяйка накричала на него только за то, что Павел без спроса взял свежую газету⁷¹. Между тем, «давать уроки» считалось для студентов столь естественным занятием, что мемуаристы вспоминают о нем

⁶⁷ Там же. С. 169.

⁶⁸ Членов М. А. Указ. соч. С. 29.

⁶⁹ Астров Н. И. Указ. соч. С. 191—192; Засосов Д. А., Пызин В. И. Указ. соч. С. 245; Кизеветтер А. А. Указ соч. 35—37.

⁷⁰ Gilbert G. Revolt from the Right // European History Quarterly. 2017. Vol. 47, iss. 1. P. 32—54.

⁷¹ Милюков П. Н. Из тайников моей памяти. М., 2015. С. 67—68.

мельком, как о чем-то малозначимом и не требующем пояснений⁷². По данным опроса 1904 г. среди московских универсантов, свыше 30 % респондентов подрабатывали уроками; при этом более 60 % опрошенных «давали уроки» уже в средней школе⁷³. Анкета питерских студентов-технологов 1909 г. показала, что из 273 респондентов, имевших работу, 155 человек зарабатывали именно уроками⁷⁴.

Утешением в трудностях студенческого быта могло служить, вероятно, лишь одно соображение. «В то время в России люди с высшим образованием обыкновенно без труда находили занятия. Каждый студент знал, что, окончив школу, он сможет устроиться», — утверждал С. Тимошенко⁷⁵. Впрочем, и это не было безусловным правилом. На исходе лета 1910 г. казанская газета била тревогу: «Ввиду большого выпуска на историко-филологическом факультете (местного университета. — А. С.) из окончивших курс 150 человек многие остались без места. Некоторые, даже сдавшие государственные и вновь введенные учительские экзамены, до сих пор не получили назначения, хотя в средних учебных заведениях уже почти везде началось обучение»⁷⁶.

Искушение «общественностью»

На рубеже XIX—XX вв. высшая школа России начала приходить в движение. «Университетские волнения» и «академические забастовки» стали важным элементом общественной жизни страны, просыпающейся от гражданского застоя. В конце 1880-х гг., вспоминал А. Кизеветтер, когда «на всех слоях мыслящей интеллигентной Москвы тяготело ощущение тяжелой придавленности, какой-то никчемности существования, суженности жизненного горизонта», только «студенческие истории» (на наш взгляд, бывшие не более чем задержанием усиленными

⁷² Астрон Н. И. Указ. соч. С. 206; Тимошенко С. П. Указ. соч. С. 50; Ипатьев В. Н. Жизнь одного химика: Воспоминания. Т. 1: 1867—1917. Нью-Йорк, 1945. С. 68.

⁷³ Членов М. А. Указ. соч. С. 30, 42.

⁷⁴ К характеристике современного студенчества... С. 62.

⁷⁵ Тимошенко С. П. Указ. соч. С. 47.

⁷⁶ Камско-Волжская речь. 1910. 31 авг.

нарядами полиции участников незаконной сходки в стенах университета) нарушали «тишь да гладь общественной жизни», «казались своего рода громом в ясном небе»⁷⁷. Десятью годами позже новая волна студенческих выступлений — массовых и хорошо скоординированных — стала еще заметнее для властей и общества, вернула учащейся молодежи роль передового отряда «освободительного движения».

Эти события не могли не повлиять на менталитет нового, «пост-народнического» поколения отечественной интеллигентии. Многим студентам пришлось столкнуться с общественной борьбой, вторгавшейся в стены храмов науки; кто-то вкусили славы вожака горячей молодежной массы, кто-то поплатился за это свободой, здоровьем или карьерой.

Первопричиной активности студентов, по сути, было их стремление явочным порядком осуществить гражданские свободы, которых в ту пору были лишены российские подданные: свободу слова, собраний и демонстраций. Нередко власти сами давали повод для подобных акций. Так, с введением университетского устава 1884 г. под запрет попали безобидные землячества, служившие в основном целям материальной взаимопомощи. По словам А. Н. Наумова, запрет внес «значительное потрясение в весь уклад внеучебной жизни студенчества, вызвав в огромном его большинстве острое недовольство»⁷⁸. В 1887 г. студент Московского университета дал публичную пощечину инспектору этого вуза, усиленно искоренявшему землячества⁷⁹. Такой по сути хамский поступок универсанты встретили демонстрациями поддержки. Разгонять их, вместе с городовыми, послали казаков; начались аресты. Тогда студенческие волнения перекинулись на другие университеты России. В конце 1887 г. власти закрыли их; через месяц университет в Москве возобновил занятия, но седьмую часть студентов к ним не допустили⁸⁰.

Новый взрыв студенческого движения произошел в феврале 1899 г. почти по той же схеме. В Петербурге казаки разогнали нагайками мирное (но незаконное) шествие универсантов

⁷⁷ Кизеветтер А. А. Указ. соч. С. 20, 29—30, 32.

⁷⁸ Наумов А. Н. Указ. соч. С. 71.

⁷⁹ Кизеветтер А. А. Указ. соч. С. 34—35.

⁸⁰ Наумов А. Н. Указ. соч. С. 75—81.

с корпоративного праздника; в ответ вспыхнула забастовка во многих вузах сначала столицы, а затем и России⁸¹. В Институте инженеров путей сообщения сама администрация на время прекратила учебные занятия, дала страсти молодежи поутихнуть и возобновила работу; «никто из студентов Института за забастовку не пострадал»⁸².

В годы студенчества сочувствовавшему левым С. Тимошенко «приходилось иногда хранить их литературу или участвовать в приготовлении их резолюций и возваний, с которыми часто был не вполне согласен. Обращения к рабочим, где возбуждалась ненависть к владельцам, к буржуазии, мне совсем не нравились». Вероятно, под влиянием такого опыта Тимошенко решил «не отдавать всю свою энергию общественным делам и политике, как предполагали делать кое-кто из моих товарищей левого направления»⁸³.

Взгляд «с другой стороны» на беспорядки 1899—1901 гг. в Институте инженеров путей сообщения представил его инспектор А. А. Брандт. Когда в 1899 г. «путейцы» забастовали, ему сразу стало «совершенно ясно, что нельзя заставить заниматься, раз этого не желает огромное большинство»⁸⁴. Когда страсти поутихли, Брандт втайне от полиции и в нарушение запрета разрешил провести в библиотеке института собрание студенческих вожаков Петербурга, которое после долгих споров решило прекратить забастовку⁸⁵.

Вспоминая события начала 1900-х гг., А. Брандт указывал, что практиковавшееся Министерством народного просвещения отчисление студентов за организацию сходок было только «на руку крайним революционным партиям, так как студенты, выброшенные из университетов, пополняли кадры этих партий»⁸⁶. В стенах ИИПС инспектор Брандт сходки допускал и даже

⁸¹ Cassow S. D. Students, Professors and State in Tsarist Russia. Berkeley, 1989. P. 91—102.

⁸² Тимошенко С. П. Указ. соч. С. 55.

⁸³ Там же. С. 56.

⁸⁴ Брандт А. А. Листья пожелтевые. Передуманное и пережитое. Белград, 1930. С. 9.

⁸⁵ Там же. С. 10.

⁸⁶ Там же. С. 12.

требовал от всех студентов являться на них; однако обязательным было и его требование к меньшинству участников сходки безусловно подчиняться воле большинства⁸⁷. Так, пусть и не в самой подходящей обстановке, молодежь на практике постигала азы демократического самоуправления.

Подобно С. Тимошенко, В. Романов познакомился с общественным движением еще в средней школе, и уже тогда проникся к нему неприязнью. Руководитель тайного кружка киевских старшеклассников напомнил ему гимназического законоучителя: «Ханжеством, лицемерием, мертвой схоластикой повеяло на меня», — вспоминал Романов⁸⁸. Став студентом и понаблюдав новые проявления «общественности», он не изменил своего мнения: «Различные манифестации на улицах сопровождались обычно таким тупым озверением лиц у вожаков, такими грязными ругательствами, что уже одна их внешняя сторона возбуждала отвращение»⁸⁹. Итог наблюдений В. Романова оказался отчасти парадоксальным: «Студенческие организации сыграли для меня такую же роль, как гимназический формализм и лицемерие; гимназии я обязан был отвращением от религии и власти, студенчеству — от какого бы то ни было политика нынешнего, в особенности утопического, либерализма, от партийной предвзятости»⁹⁰.

В. Зворыкин попал в гущу студенческого движения уже на первом курсе, осенью 1906 г., когда здание Технологического института на несколько дней оцепила полиция. Это испытание закончилось благополучно, и занятия в институте возобновились⁹¹. В дальнейшем Зворыкин продолжал участвовать в студенческом движении и в 1907 г. даже побывал под арестом за распространение листовок по поводу выборов во вторую Государственную Думу. Но и тюрьма оказалась скорее приключением, чем наказанием. Сокамерниками Зворыкина были его же однокашники; «все мы немедленно стали героями. Остальные студенты постоянно поддерживали с нами контакт, и почти

⁸⁷ Там же. С. 13.

⁸⁸ Романов В. Ф. Указ. соч. С. 59.

⁸⁹ Там же. С. 60.

⁹⁰ Там же. С. 61.

⁹¹ Iconoscope. Р. 20.

каждый день чья-нибудь “невеста” посещала нас, чтобы принести конфеты, письма и т. п.»⁹².

Не будет преувеличением утверждать, что «студенческие истории» с подобным благополучным финалом не столько внушили их участникам уважение к закону, сколько демонстрировали слабость властей и поддерживали в сознании части «становящихся интеллигентов» надежду на скорую смену государственного строя России. При этом другая часть их однокашников — не обязательно более зажиточная — выносила из своего опыта «общественности» нечто прямо противоположное: неприязнь (если не ненависть) ко всякого рода самозваным во�акам и их революционным идеям. Бравирующий своими связями с нелегальным миром студент подчас оказывался недобросовестной личностью с карьеристскими устремлениями⁹³.

«Простой народ», от имени которого любили выступать левые радикалы, также нередко отвергал юных борцов за свободу. В 1880-е гг. грозою московских универсантов были приказчики мясных лавок Охотного ряда. По воспоминаниям А. Кизеветтера, «как только вспыхивали студенческие волнения, охотнорядцы рвались в бой и засучивали рукава», поскольку думали, что «“господа” бунтуют против начальства за то, что царь отменил крепостное право». В ту пору в Москве «Охотный ряд и университет были Рим и Карфаген», — иронизировал Кизеветтер⁹⁴.

Антагонизм студенчества и мещанства ярко проявился в «дни свободы», наступившие после издания Манифеста 17 октября 1905 г. Тогда столичная газета поместила следующее письмо своего читателя Е. Болхонцева: «18 октября с 10 часов вечера и до 2 часов ночи толпа торговцев Сенной площади при участии дворников некоторых домов и сочувствии городовых производила систематическое избиение студентов, имевших несчастье проходить и проезжать через эту площадь. Студенты, проезжавшие на извозчиках, догонялись, вытаскивались из экипажей и избивались до бесчувствия. Таким образом избито было до 50 человек»⁹⁵. Другая питерская газета в тот же день

⁹² Ibid. P. 21—22.

⁹³ Ibid. P. 23.

⁹⁴ Кизеветтер А. А. Указ. соч. С. 8.

⁹⁵ Петербургский листок. 1905. 22 окт.

сообщала из Москвы: «Вчера студентов били везде, где они попадались»⁹⁶. Назавтра уже московская пресса скупо информировала: «Вчера было несколько случаев зверской расправы черносотенцев со студентами»⁹⁷.

Неудивительно, что после событий 1905—1907 гг. картина политических взглядов русского студенчества стала более пестрой. «Довольно однородные “левые” симпатии раздробились; возросло число беспартийно настроенных; с известной степенью активности выступили на сцену правые элементы. Антисемитическая и антифеминистическая тенденции усилились. Пал, до некоторой степени, интерес к общественным вопросам», — признавал в 1911 г. М. В. Бернацкий⁹⁸. В частности, объясняя свой отказ посещать сходки, некогда считавшиеся культовым элементом общественной жизни вузов, питерские студенты-технологи в 1909 г. отвечали: «Считаю их “детской игрой, не имеющей никакого значения”, “бессмысленным горлодранием”, “праздной болтовней, на которую жаль тратить время”». Иные избегали сходок, поскольку там «попирается принцип индивидуальности»⁹⁹.

Впрочем, в Москве того времени студенческие сходки не утратили своей роли: на них если не решались, то, по крайней мере, ставились актуальные вопросы академической жизни. Так, в марте 1910 г. газета «Русское слово» сообщала, что на сходке в Высшем техническом училище студенты обсуждали порядок экзаменов. «Отмечались недостатки настоящей экзаменационной системы, при которой профессора с большим трудом успевают в короткий срок проверить знания большого числа студентов, подолгу ожидающих очереди». Обсудив разные предложения и отклонив голосованием те из них, что были неприемлемы для большинства ее участников, сходка в итоге приняла вполне конструктивную резолюцию: «Признать единственным выходом из создавшегося тяжелого положения немедленное введение постоянных, еженедельных или двухнедельных, экзаменов»¹⁰⁰.

⁹⁶ Новое время. 1905. 22 окт.

⁹⁷ Русское слово. 1905. 23 окт.

⁹⁸ К характеристике современного студенчества... С. VII.

⁹⁹ Там же. С. 32, 33.

¹⁰⁰ Русское слово. 1910. 6 марта.

Заключение

Российская высшая школа рубежа XIX—XX вв., как и во все времена, не выпускала некий однотипно-стандартный «интеллектуальный продукт»; каждый ее питомец уносил из стен вуза то, что мог и хотел там получить. Один посвящал себя науке, другой шел на государственную, земскую или частную службу, третий открывал собственное «дело». Чья-то жизнь складывалась неудачно, и диплом не приносил его обладателю того, о чем он мечтал, переступая порог *alma mater*. Судьба почти всех образованных россиян резко изменилась после 1917 года. Однако ряд факторов, связанных с временем студенчества, так или иначе оказывал влияние на каждого «становящегося интеллигента», налагал на него свой отпечаток.

Высшая школа начинала воздействовать на юношу еще на стадии выбора вуза и сдачи вступительных экзаменов, требуя от вчерашнего легкомысленного гимназиста или реалиста ни много ни мало задуматься о предстоящей жизни и взять в руки свою судьбу. Затем наступала ошеломляющая поначалу студенческая вольность, и миссия формирования личности интеллигента незаметно переходила к учебному процессу.

Лекции и семинары не только знакомили студентов с представлениями современной науки и приемами их выработки; преподаватели учили самостоятельно и продуктивно мыслить, вести аргументированную полемику, принимать возражения оппонента и признавать свои ошибки. Важно отметить, что с кафедры звучало свободное слово, не скованное рамками цензуры. Учебная практика хотя бы частично дополняла теоретические курсы и выводила учащуюся молодежь из рафинированного академического мира в реальную жизнь. Полукурсовые и итоговые экзамены с их строгими требованиями служили, среди прочего, средством воспитания волевых качеств будущего профессионала — инженера, судьи, врача, педагога. Учебная программа вуза, допускавшая свободное посещение занятий, вырабатывала (по крайней мере — у лучших студентов) самодисциплину и умение дополнять пассивное восприятие лекций самостоятельным получением знаний.

Наглядным и действенным инструментом «формирования» интеллигента служила этика поведения профессуры, в среде которой крайне редко встречались научная недобросовестность, политические доносы или погоня за наживой. Не вполне свободный от интриг и бюрократических разборок, преподавательский коллектив держал их в тайне от студентов. Нередко наставники приглашали учеников в гости, приобщали к своим увлечениям, вместе с молодежью музиковали, обсуждали новинки искусства и литературы. Не притворяясь аполитичными, не тая от студентов свои общественные взгляды (как левые, так и правые), преподаватели избегали открытой агитации в стенах вузов, противились вторжению «улицы» в храмы науки.

Повседневный быт в годы учебы оказывался для многих суровой школой, дающей неоднозначные уроки. Домашние юноши из провинциальных среднеклассных семей должны были выживать в большом и жестком городе: снимать комнаты у прижимистых квартирных хозяев, беречь каждый родительский рубль, искать заработок, удерживаться от соблазнов и искушений, на которые были так богаты первые российские мегаполисы. Физические лишения и нравственные муки, которыми сопровождался подобный опыт, подчас превосходили былье фантазии Достоевского.

У обитателей тесных студенческих квартир складывались разные характеры — от дружелюбного, толерантного, готового искать компромисса с соседом, до агрессивного, неуступчивого, стремящегося только доминировать. В мире учащейся молодежи могли возникнуть любые привычки материального порядка — от щепетильности в возврате занятых средств до бесшабашного обращения с чужими деньгами и вещами. Один факультет были способны окончить такие «чеховские» доктора-антиподы, как бездуховный стяжатель Дмитрий Старцев и самоотверженный подвижник науки Осип Дымов. Не только опыт студенчества мог сформировать их жизненные установки, но и исключать его влияние будет несправедливо.

Школой разумной общественной деятельности для многих студентов служили формальные и неформальные организации, существовавшие в их среде: землячества, кассы взаимной помощи, «бюро труда», комиссии по управлению общественными

столовыми. Преследуя эти в сущности безобидные организации, власти способствовали радикализации студентов, подталкивали «влево» какую-то часть вузовской молодежи, и без того не склонной в силу своего гормонального статуса терпеливо дожидаться реформ «сверху». В то же время, изображать всю студенческую среду Серебряного века как оппозиционную, антигосударственную силу нет оснований: наряду с носителями радикальных взглядов в ней присутствовали убежденные сторонники медленного, ненасильственного общественного прогресса и подчеркнуто аполитичные «академисты». Установление в 1907 г. в России стабильного режима думской монархии способствовало снижению накала общественно-политической жизни в среде студентов и ее незначительному «поправлению».

Процитируем в заключение слова горного инженера Александра Ивановича Фенина (1865—1944), пусть и не вполне свободные от ностальгической апологии: «Спокойная обстановка высшей школы, а затем суровая жизнь провинциального захолустья создали из нас людей реального дела, могущих выполнять совсем не легкую задачу фактического строительства. Мы, русская интеллигенция технического образования, сумели, без губительного отвлечения в сторону политических иллюзий и мечтаний, просто и реально строить заводы, рудники, железные дороги, и я не ошибусь, повторив, что мы были почти первыми в рядах нашей интеллигенции, ставшими на этот настоящий хозяйствственный, созидательный труд»¹⁰¹.

¹⁰¹ Фенин А. И. Указ. соч. С. 86.